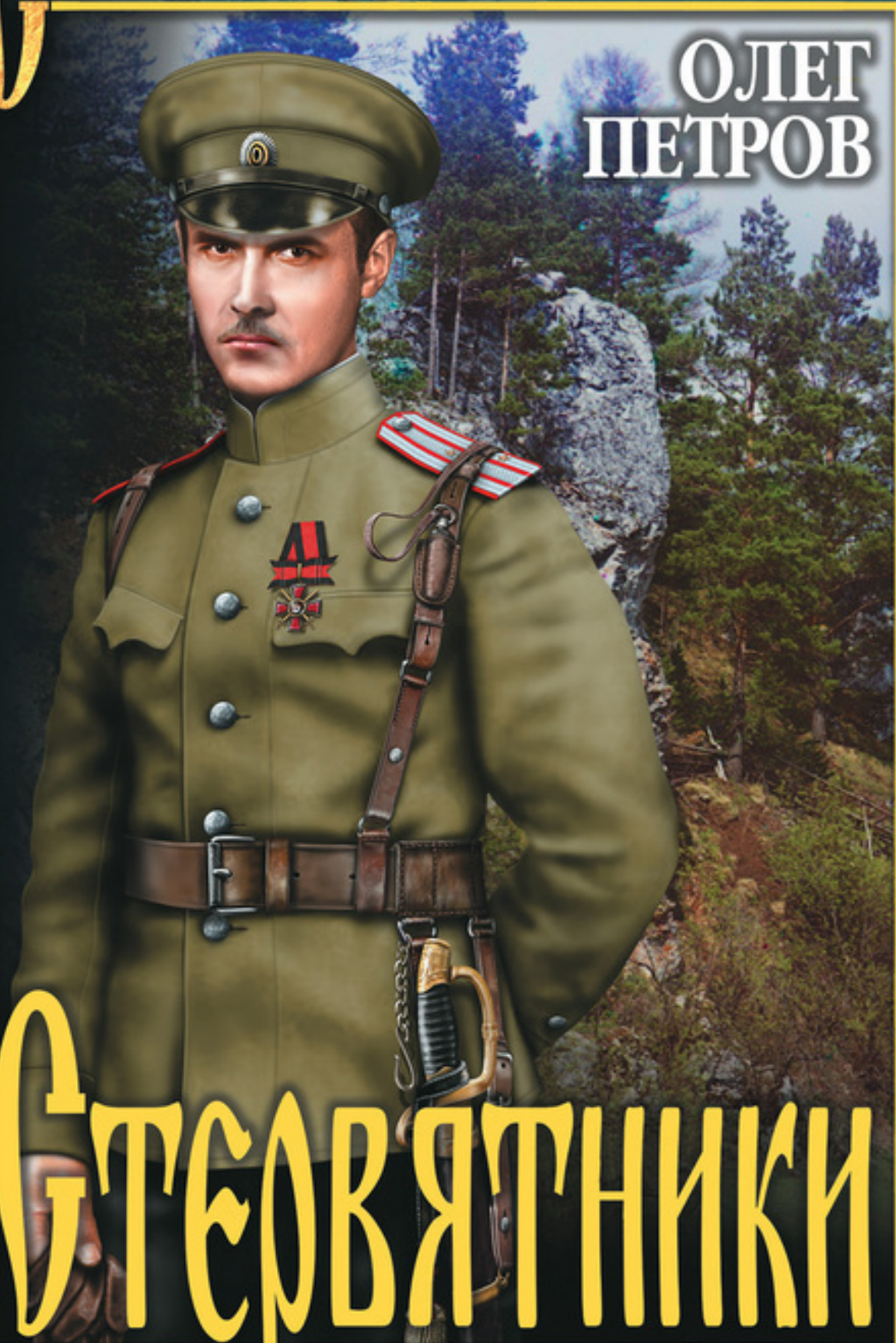

СИБИРИАДА

ОЛЕГ
ПЕТРОВ

СТЕРВЯТНИКИ

Сибириада

Олег Петров
Стервятники

«ВЕЧЕ»

2012

Петров О. Г.

Стервятники / О. Г. Петров — «ВЕЧЕ», 2012 — (Сибириада)

ISBN 978-5-9533-6274-0

Что за цепочка, потянувшаяся из Восточных Саян в конце XIX века, жестко и трагически соединила беглого каторжника Дмитрия Демина, иркутского золотопромышленника Кузнецова, загадочного «старца» Григория Распутина, казачьего атамана Семенова, несостоявшегося военного правителя Забайкалья Захара Гордеева, иркутских красных комиссаров и многих других, ушедших и доселе здравствующих? Что за страшная тайна окутывает реальных исторических персонажей и цепь драматических событий уже на протяжении полутора веков?.. Обо всем этом и о других, не менее захватывающих событиях, происходивших в Сибирском крае, читайте в новом романе писателя-сибиряка Олега Петрова!

ISBN 978-5-9533-6274-0

© Петров О. Г., 2012

© ВЕЧЕ, 2012

Содержание

Цепь. (вместо пролога)	6
I	6
II	8
III	10
Хранитель (I)	12
Глава 1. Лоскутников, 31 июля 1991 года	14
Глава 2. Демин, 11 ноября 1886 года	23
Глава 3. Орехов, 8 марта 1991 года	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Олег Петров

Стервятники

©Петров О.Г., 2012

©ООО «Издательский дом «Вече», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*О, стервятники! Редкие птицы.
Их призванье во все времена —
жеству выследить и насладиться
трупным ядом.*

Михаил Вишняков

Цепь. (вместо пролога)

I

Дмитрий кряхтя стащил латаные-перелатаные ичиги и опустил гудящие ноги в воду. Тысячи иголочек ударили в загрубелую кожу. Благолепие небесное! Изгибаясь всем телом, осторожно потянул с плеч лохмотья меховой кацавейки, потом сопревшую, затрещавшую от ветхости рубаху. Двигаться не хотелось. С утра, поди, верст с десятков отмахал по кручам и осыпям.

Блаженствуя, откинулся на спину. Далеко вверху голубел кусочек неба, отсекаемый по дуге неровным краем отвесной, поросшей мхом и лишайниками скалы, и, показалось, прямо в лицо обрушивается рокочущий поток воды. На самом верху сверкающая лавина будто замирала, а потом медленно, с суровой непреклонной силой устремлялась вниз, в круглую чашу, саженной десяти в поперечнике. Подивился лениво: с такой высоты ухаёт водяной столб толщиной в добрый десяток мачтовых сосен, а вот, поди ж ты, не разметывает здесь, у подошвы, озерцо-блюдец в кучу брызг. У краины, где ледяные иголки сейчас выгоняют лому из натрудившихся за день ног, вода спокойная – неторопливо струится, извивается прозрачной змейкой и убегает меж каменных лепешек в густые черемуховые кусты.

Только сейчас Дмитрий ощутил тянущее внутренности чувство голода. Сел, порылся в замусоленной котомке, достал пучок черемши, оторвал крепкими желтыми зубами от тугих сочных стеблей на добрый укус. Серела в котомке и удачно подбитая стрелой утка, так что пора и жарехой заняться – с утра маковой росинки во рту не было. Бросил увесистую птицу на плоский камень, из деревянных ножен вынул сточившийся и почерневший нож. Костерок можно вон там, на песке, разложить, кишки и прочее – долой, да так и запечь в перьях, погуще обмазав глиной. Проглотил тягучий комок слюны, предвкушая пиршество. А оно предстояло богатое, потому как удалось на солончаке наскрести главного сокровища – соли.

Вспоротую утицу прополоскал в бегущей струе ручья. Наклонился с дичиной в руках над ямкой с прозрачной быстрой водицей...

Камень такой странный на донце – ноздрясто-желтый чужак среди темных и гладких, водой обточенных. Дмитрий сунул под воду руку, схватил чужака и, не успев донести до глаз, почувствовал необычную тяжесть в пальцах. Самородок! Бугристое золотое яйцо, чуть поменьше голубино! Насчет золотишка ошибки не было: по молодости держал в руках самородки – в Качуге, на Верхней Лене старатели похвалялись.

Дмитрий птицу на песок бросил, про сосущее нутро забыл. Эва!.. Глаза жадно зашарили по донным камушкам и песку. Святой Боже! Три самородка поменьше прямо-таки кучкой лежали в ямке меж черными голышами! Жадно схватил обеими руками, подкинул на ладони. Чудеса!

Поднял глаза к голубому серпу высокого неба. А не с голодухи ли и усталости мерещится? Но самородки тянули книзу обхватившие их мертвой хваткой пальцы. Да и чего она ему, синь небесная, беглому каторжнику?

Взор снова зашарил по близкому дну, повел глубже, к беспокойной воде, к подошве монотонно, басовито гудящей водяной колонны, низвергающейся с головокружительной скальной высоты. Нет, там уже не разглядишь. Дмитрий отступил в спокойное мелководье, про шаривая по кругу дно озерной чаши. И с каким фартом до мшелой скалы дошел!

Еще четыре золотых камушка – самый большой с бульбу картошкину! – дожидались его на песке под скальной стенкой! Здесь уже озноб от холоднющей воды пробрал крепко, ноги сводить стало. Дмитрий оперся свободной рукой о скользкую каменную стену, стараясь не съе-

хоть по гладкому песку крутого дна, уходящего под водяной столб, развернулся на онемевших ногах и неуклюже поковылял к бережку, прижимая к груди левую руку с горстью самородков.

У кромки воды все-таки споткнулся и упал на левый бок, больно ударившись локтем о камни. Но добычу не выпустил, только охнул, уставив помутившиеся от боли глаза в мокрую от водяной взвеси гранитную стену. Когда взор прояснило, краем глаза поймал что-то, выбивающееся из общей зеленовато-черной мокроты гранита.

Тусклая желтая полоса прорезала гранит. Внизу – на сажень выше его, Дмитрия, роста – как лезвие истончившегося ножа, а двумя саженьями вверх уже шириной в ладонь! И уходила, что речка от истока, изгибаясь, по каменной стене в вышину, под летящий поток воды...

II

Гордеев поймал себя на мысли, что заметно постаревший и поблекший атаман, кажется, его не слушает. Витает где-то в горних высях. Но Семенов внезапно повернулся всем телом от окна к столу и просверлил Захара столь знакомым неприязненным взглядом:

– О казачках, говоришь, заботу имеешь? Ишь ты!..

Усмехнулся прежней тигриной манерой, из того времени, вроде бы и недавнего, когда серебром отливали на крепких атаманских плечах шитые парчовой канителью в зигзаг широкие погоны с генерал-лейтенантской парой звездочек.

– Григорий Михайлович, – вновь начал Гордеев. – А почему бы и не отпустить казачков в полосу отчуждения? Каково им существовать в Гензана? Скученность, антисанитария полная, болезни. Кабы одни мужики, а то с семействами. Уже, почитай, два года на ржавых кораблях живут с домочадцами. Ребятишки мрут, что мухи, особенно мальцы! В возрасте младше пяти-шести лет и не осталось поросли-то...

– Ты из меня слезу не дави! – Семенов набычился у окна.

– Да вы и не барышня кисейная, – горько усмехнулся Захар. – Но я там наблюдаю все признаки полнейшего мора. Как фельдшер по образованию вам говорю! Да и супротив это человеческому естеству – на ржавых корытах жить. Забайкальскому люду казачьему особенно. А вот на земле, в полосе отчуждения «маньчжурки», они воспрянут, способ существования обретут...

– Это ты точно подметил насчет фельдшерского образования своего. – Усмешка вновь тронула губы бывшего правителя Забайкалья. – Потому, Гордеев, и рассуждаешь на уровне клистирной трубки! Запомни и заруби себе на носу или где сподручнее: лихие, геройские казаки даурские и их командиры, все, кто после красных оплеух не скурвился, – твердый народец! Богу и атаману верное войско. Да! – Семенов ухнул кулаком по столешнице, грузно поднялся из-за стола. – Да! Испытания несем тяжкие. Но – России-матушки ради!..

«Повело, однако, атамана на декламацию!» – подумалось Гордееву. Окончательно убедился: затянувшаяся аудиенция у засевшего в Нагасаки атамана проку не даст. Напрасно обнадеживал минувшей осенью Захара генерал Шильников: дескать, с Семеновым достигнута договоренность о передислокации казачьих полков, находившихся под его началом в Китае, в полосу отчуждения Китайско-Восточной железной дороги, дабы создать ударный кулак для вторжения в советское Забайкалье через Аргунь. Дурак Шильников! С Гришей договариваться...

– ...А думал ты, – продолжал Семенов, – на какие шиши, из того же Гензана, воинство наше и семейства чинов перебазировать возможно? Иль я тут под крылом микады прохлаждаюсь да старческий жирок нагуливаю? Как же, даст чертов Самсонов продыху!..

Гордеев был хорошо осведомлен о том, что атаман имеет в виду. Уже несколько месяцев Семенов вел судебную тяжбу с генералом Самсоновым по поводу денег, которые находились в распоряжении подчинявшегося Самсонову генерала Подтягина. Остатки «золотого запаса» покойного верховного правителя Сибири адмирала Колчака, неизрасходованные на снабжение армии, благополучно оказались за морем, в Японии. И распорядитель их – Самсонов, язви его в корень! Вот и сидел Семенов в Нагасаки, занятый судебным процессом. Да только вряд ли что выгорит у испеченного Колчаком генерал-лейтенанта, казачьего атамана, бывшего закадычного друга, обозвавшегося ныне начальником Бюро русской эмиграции. Как кончилась давным-давно их дружба, так и кончилась, подумал Захар, глядя на багровеющего от бессильного гнева Семенова.

– Усилия ваши, Григорий Михайлович, общеизвестны и почетны. Но перспектива, как мы в Маньчжурии понимаем, не близкая...

– Мы в Маньчжурии! Перспектива!.. – передразнил, раздражаясь еще больше, Семенов. – А у вас-то и этого нет! Сколачиваете шайки... Какое отношение ваш сброд имеет к регулярной армии?! А эти жалкие попытки близ границы краснопузых щипнуть?! Смех и тоска! Казачки-то мои для таких щипков потребны, али не так?

– Смею возразить, господин атаман, – твердо ответил Гордеев. – Есть реальные возможности для восстановления нашего положения в Южном Забайкалье...

– Брось, Захар Иванович! – сморщился Семенов, оттягивая большим пальцем тугой воротник крахмаленной сорочки. – Какие, к черту, реальные возможности? О чем ты? С маломощной Дэвэрией не справились, а теперь не партизанские ватаги мужиков – регулярные части красных противу нас встали! Матереют, волчоныши...

Помолчав и успокоившись, добавил:

– Насчет того, что Самсонов и Подтягин золотишко просто так не отдадут, – это, конечно, факт. Но поборемся!..

– Золотишко можно и в другом месте добыть, – осторожно сказал Гордеев, внимательно следя за реакцией атамана. Но ожидаемого интереса – с блеском в глазах – не последовало.

– И что же это за другое место? – устало и равнодушно спросил Семенов. – Читинский госбанк или американский Клондайк?

– Почтище Клондайка. Восточные Саяны...

– Ну, брат, насмешил... Заха-ар! Уж седина ж в бороде, – скривился атаман. – Где мы, а где эти самые Саяны... И как-то ты Советы из поля зрения выпустил, а? Лежит, значит-ца, там золото пудами, а Советы, значит-ца, хрен на него забили! Ну, фельдшер! Не удивляюсь теперь всей этой вашей мышинной возне! От Маньчжурии-то, чай, до саянских сокровищ куда как ближе, чем до Нагасаки, а ты, ишь, ко мне явился!.. Слышь, Захар, ты, поди, уже пятый десяток разменял?

– Сорок второй год...

– Угадал я, значит-ца. И что же, в пиратские сказки про клады всё веришь?

Гордеев промолчал. При чем тут сказки про клады? А поначалу ведь собирался бумаги о саянском золоте атаману показать. Те самые, которые атаманская контрразведка у Матрены Распутиной умыкнула. Ну а теперь – накося, выкуси!..

III

Нелюбов снял трубку. Звонил оперативный дежурный.

– Товарищ генерал, из Орлика поступило сообщение. Вчера туристами в районе устья реки Шумак примерно в 16 часов 30 минут обнаружены три трупа. Тургруппа из Питера. Личности установлены. Документы, деньги, пневматическое оружие, снаряжение – ничего не похищено. Убиты из лука...

– Чего?

– Все убиты из лука, товарищ министр, или аналогичного стреляющего устройства. Стрелы самодельные, старинные...

– На экспертизу отправили?

– Так точно, три стрелы.

– Так... Сводку мне. И начальника угрозыска ко мне...

Начальник управления уголовного розыска МВД Республики Бурятия полковник милиции Домашевский четверть часа спустя прибыл к министру с подробностями.

За последние несколько лет долина Шумака стала одним из самых посещаемых мест Восточных Саян. За сезон здесь бывает до двух тысяч отдыхающих, путешествующих по живописным водопадам на притоках Шумака и его северного брата Китою. Вот и нынче там бродит три или четыре туристических группы, одна из которых вышла к устью Шумака, в место живописнейшее – к десятикилометровому каньону, зажавшему речной поток, летящий на слияние с Китою.

Каньон Шумака – узкое извилистое ущелье, сужающееся местами до четырех-пяти метров, с отвесными двадцатиметровыми скальными стенками, со множеством водопадов, низвергающихся в стремительный поток реки. Зимой по каньону Шумака можно двигаться на лошадях, при этом постоянно рискуя провалиться в промоины на перекатах. Летом грохочущий среди отвесных стен поток непроходим даже на лодках, каньон обходят пешком, далеко поверху. Местами тропа весьма опасна, петляет по крутым осыпям или скользким скалам с узкими полками, на которых порой не за что ухватиться. Но туристы-экстремалы обожают штурмовать скалы каньона, среди которых встречаются и отрицательные углы.

Группа, обнаружившая убитых, как раз к таким альпинистам и относилась. Вышла к началу каньона, а на отмели – три трупа молодых парней из Питера. По уже наведенным в ГУВД северной столицы справкам – молодняк из начинающих бизнесменов, без какого-либо компромата, давние приятели, любители по необжитым уголкам ползать. Почему на этот раз выбрали Восточные Саяны – пока установить не удалось.

Странно выглядели обстоятельства убийства. Тяжелые, черные от времени стрелы нашли своих жертв в ситуации непонятной: один из погибших, высокий русоволосый крепыш, убит ударом стрелы в спину, двое других – в грудь. Причем сила, с которой стрелы их настигали, видимо, была довольно существенной, если одного из погибших стрела пробила почти насквозь. Осмотр места и тел показал, что убийство произошло не там, на отмели, а где-то в другом месте. Убийцы сложили трупы на отмели рядком, вещи – рюкзаки и укладку с резиновой лодкой – погибшим в ноги, аккуратной кучкой. Где и кто? Прямо-таки, какая-то «Охота на Пиранию», вспомнил генерал недавний отечественный кинобоевик с лихо закрученным сюжетом.

«Что это за лук? – подумал Нелюбов. – Что за силач им орудовал? Только и не хватало накануне президентских выборов в республике подобной кровавой мистики, черт ее подери! И где?! Почти бескриминальная территория, статистика несчастных случаев и та фактически на нуле».

Генерал повернул голову к планшету с картой республики, висевшему на стене кабинета. Местность, известная как Тункинские гольцы, лежала на границе Бурятии с Иркутской областью. Когда бы ЧП случилось не в устье Шумака, а того же Архута... И болела бы сейчас голова у соседей...

Генерал Нелюбов вообще к криминальной экзотике относился настороженно. И совершенно не улыбалось на старости лет, под занавес в общем-то вполне сложившейся милицмейской карьеры, получить из-за подобного пинок под зад. Журналюги такие истории любят, раздуют до небес, а потом уж чего угодно жди. Надо сработать на опережение. Естественно, никакой прессы. А оперативно-следственную группу заслать свою, райотделу с местным прокурором это вряд ли по зубам. И министр набрал прямой номер прокурора республики.

Хранитель (I)

Хранители всегда приходили с юго-запада. И он проделал этот долгий и трудный путь, когда на него указал Большой Глаз Цэгэр-Харгала. Он пришел на стражу ровно шесть циклов назад...

Тринадцать избранных стояли на Плитах Пронзительного Взгляда. Один из них станет очередным хранителем. Остальным служить в этом храме. Он знал, что под каменной толщей грубо отесанного гранита спят двенадцать юных лам, цикл назад введенных в состояние самадхи¹. И они цикл назад стояли под Большим Глазом Цэгэр-Харгала, и тогда наступало время Выбора. Но тогда выбирал Цэгэр-Харгал не Хранителя, а Послушника, удостоенного чести отправиться в Лхасу, а оттуда, если снизойдет благословение Верховного Правителя, – в Задний Тибет, в Шигадзе. Там, в монастыре Шалу, удостоенный звания Послушника три четверти цикла будет постигать тайны учения, а в последнюю четверть пройдет Три Ступени Испытания². Он должен будет сжать плоть, умножить жар и убавить вес. И закончить цикл обучения, совершив арджоха... Когда, цикл назад, Цэгэр-Харгал избрал Послушника из тринадцати юношей в грубых, умиротворяющих плоть одеяниях, оставшимся двенадцати была оказана не менее высокая честь.

Ждал рождения Новый храм. Гранитные плиты, заготовленные для строительства новой обители богов, возвышались циклопическими стопами вокруг обозначенного места. Шесть десятков из них уже уложены в основание Нового храма, образовав двенадцать прямоугольных саркофагов. Двенадцать избранных юных лам два месяца проходили обряд очищения духа и тела, прежде чем Цэгэр-Харгал разрешил ламам Первого Круга Вращения Колеса Жизни приступить к усыплению избранных, их введению в самадхи. Три ночи горели священные огни, вращались молитвенные барабаны, курились благовония под неусыпным Большим Глазом.

На утро четвертого дня легкие тела опустили в гранитные саркофаги и накрыли каждый еще одной гранитной плитой. Плотно и ровно легли гранитные плиты. Плиты Пронзительного Взгляда. Два цикла, две дюжины лет будет действовать сила самадхи. Именно эта сила дает знание происходящего далеко, за десятки и сотни дней пути. Именно эта сила, пронизывая горные хребты, пролетая над степными просторами и гладью воды, приносит Хранителю, несущему стражу далеко-далеко от родного сомона, Известие о Времени Смены Хранителя. И каждые два цикла служители храма готовят новую юную смену спящим под Плитами Пронзительного Взгляда...

¹ Самадхи (*тибет.*) – состояние, похожее на летаргический сон, в которое вводили ламу-подростка, а затем замуровывали его в каменный саркофаг, служащий основанием храма (как правило, нового). Считается, что в течение двух циклов (24 года) тело ламы в состоянии самадхи излучает некое неосознаваемое «тепло», позволяющее ламам, служащим в храме, обладать телепатической силой, действующей на значительные расстояния. Российский наблюдатель В. Овчинников указывает, что в середине XX века жестокий обычай был фактически отменен после участвовавших случаев бегства молодых лам, избранных для печальной участи. Однако монахи продолжают утверждать, что подобно тому, как конь чувствует могилу хозяина, так и трупы молодых лам две дюжины лет дают излучение, облегчающее телепатиям выход на объект.

² Три Ступени Испытания – психофизическая тренировка тибетских монахов продолжительностью в три года, три месяца и три дня. Их поодиночке замуровывают в тесные пещеры, оставляя отверстие, равное по ширине расстоянию между большим и указательным пальцами руки. Через это отверстие монах дышит, раз в сутки получает воду и дзамбу (порцию муки из прожаренного ячменя, политую топленным маслом и чаем с солью). К концу испытания монах должен быть готов продемонстрировать способность пройти три ступени самоусовершенствования: «сжать плоть», то есть выбраться из пещеры через имеющееся отверстие; «умножить жар» – за полчаса, сидя на куске льда, высушить телом мокрое полотенце, которым его обматывают; «убавить вес» – сделать свое тело невесомым, чтобы совершить арджоха (бег-полет) – святой подвиг: едва касаясь земли ногами, в полнолуние за две ночи и день, пробежать от города Шигадзе до ламаистской столицы Тибета Лхасы (240 км) в состоянии своеобразного транса, когда бегущего никому нельзя окликать, ибо это опасно для его жизни. Он может только сам иногда прерывать бег на несколько секунд, чтобы напиться воды из реки или ручья.

Небеса разверзлись. Ударил гром, ослепительные копья Белого Огня пронзали горные пики. Наутро Цэгэр-Харгал объявил: пришло время известия о времени смены Хранителя. Распростершись на Плитах Пронзительного Взгляда, он послал известие. И узнал, что оно получено.

И предстали перед Большим Глазом тринадцать избранных. Сила самадхи все знает про них. Она знает, кто из тринадцати способен пройти путь, она знает, кто способен пройти путь, но не сможет стать Хранителем. И она скажет Большому Глазу, на кого указать. Устами обладателя дара ясновидения – «третьего глаза». И объявит Великое Откровение Самадхи бывший Послушник, совершивший арджоха, прошедший в лхасском храме Джокан обряд приобщения к Пронзительному Взгляду³, – Просвещенный Цэгэр-Харгал. Уже три цикла его слово – закон для сомона, рождающего Хранителей.

– Ты! – ткнул с горловым выдохом Цэгэр-Харгал его в грудь. – Собирайся! Лунный Бог и Боги Звезд приказали тебе начать путь завтра, когда первый луч Желтого Бога окрасит кармином Далан-Тан-Уул. Наступило Время Смены Хранителя, и в запасе у тебя только шесть лун...

³ Приобщение к Пронзительному Взгляду – способ, которым тибетские ламы-врачеватели искусственно раскрывают способности человека к ясновидению. Давно замечено, что такой дар зачастую возникает у человека после черепно-мозговой травмы. Отобранному по ряду особых признаков монаху (прошедшему три ступени испытаний и арджоха) в середине лба высверливают отверстие и закрывают его деревянной пробкой, обмотанной целебными травами. При такой операции, по свидетельству российского наблюдателя В. Овчинникова, выживает лишь один человек из пяти.

Глава 1. Лоскутников, 31 июля 1991 года

Чертовски устал он сегодня. День выдался – сплошная круговерть и нервотрепка. Говорил же: с этим объектом в Дарасуне будут только одни неприятности. Так и вышло. Заказчик дышал ядом и по большому счету был прав. И с возведением самой коробки они затянули и зря связались с этой армянской бригадой. «Ары» работали быстро, но качество... Еле уболтал сегодня заказчика, чтобы не ломился в суд, пообещал солидную скидку при окончательном расчете. Мда-с, трудный разговор предстоит на правлении... А еще и с машиной... Хоть кол на голове теши тезде своему непутевому! Ну, Шурик... Правильно говорят, есть водители, а есть ездуны! Пришлось нынче, как бедному студенту, из Дарасуна на электричке...

– Слышь, мужик, закурить не найдется?

Три темные фигуры догоняли его в хорошем спортивном темпе.

– Да не курю я уже лет восемь! – в сердцах выкрикнул он.

– Здоровье бережешь? Молодец, – ухмыльнулся самый плотный из подбежавших. – Лоскутников Александр Петрович?

– Ну, я. – Он сразу успокоился, перестало ухать в груди. – Шутки у вас, хлопцы...

– Шутки мы любим, – вновь отозвался плотный.

– Но сэгодня шутыть нэ будэм! – Второй из троицы догнавших внезапно выхватил показавшийся Лоскутникову огромным пистолет и больно ткнул им Александра Петровича в щеку. – Гавары, пес!

– Ты чего?! Да чего вам надо?! – Отшатнулся Лоскутников. Сердце опять ухнуло вниз. – Чего вы хотите?!

– Дядя, – вмешался в разговор третий, самый молодой из троицы, хотя и остальным до тридцатилетнего рубежа было еще далеко. – Не так давно ты один документик засветил. Описание некоего лесного уголка. Вспомнил? Вот нам эта бумажка и требуется.

– Не понимаю...

Лоскутников и впрямь не мог сообразить, о чем идет речь. Суматошный день, усталость, и эта странная троица...

– Нэ круты, урод! Бумагу давай, собака! – Пистолетный ствол раскровянил Лоскутникову подбородок.

– Уйми своего черножопого приятеля! – хрипло крикнул Лоскутников плотному, зажимая ранку. – Волчары! Втроем на одного, да еще с пукалкой!

– Ти чи-то про мэня ска-а-за-ал, сын шака-а-ла-а?! – фальцетом, нараспев, вдруг закричал чернявый с пистолетом. – А-а-а!!!

Грохнул выстрел. Мощная пуля ударила Лоскуникова в грудь...

Капитан милиции Сергей Васильевич Тимонин, старший эксперт-баллистик областного управления внутренних дел, озадаченно наморщил лоб и вновь прильнул к окулярам микроскопа, уже с нарастающей тревогой. Чертыхнувшись, резко поднялся из-за стола, выудил из заднего брючного кармана, путаясь в прилипающем к брючинам халате, увесистую связку ключей. Самым маленьким отпер замок-стопор металлического шкафа-картотеки.

В верхнем отделении лежали кое-какие остатки содержимого двух или трех разукомплектованных криминалистических чемоданчиков и главное сокровище баллистиков – шикарно изданный в «махровые застойные годы» двухтомник «Револьверы и пистолеты», с суровым грифом «Для служебного пользования» и порядковым номером экземпляра.

Каждый раз, листая справочник, Тимонин недоумевающе хмыкал – для какого еще «пользования» он может согдиться, но потом уверил себя, что гриф двухтомнику присвоили

с единственной целью – дабы защитит от букинистического прилавка. Ярый библиоман оторвал бы с руками.

Тимонин раскрыл справочник на нужной странице. Через минуту, вновь пробравшись к своему столу, еще раз заглянул в микроскоп. Оторвавшись от окуляров, довольно крикнул и нежно погладил раскрытый том. Но тут же лицо эксперта помрачнело, ибо чувство удовлетворения не всегда бывает бальзамом для души, а вполне может создать дополнительные увесистые трудности. Как сейчас, например.

Тимонин тяжело вздохнул, потянул белую прямоугольную трубку «Телекома»:

– Игорь Степанович, это Тимонин. Здравия желаю. Тут у меня новость по вчерашнему убийству на дачах в Кручине. Систему оружия удалось установить точно – пуля деформирована слабо. И вот тут-то, Игорь Степанович, самый цирк и начинается! Пуля – не самоделка, как сначала подумали. Как и «ствол». В общем, это стандартный армейский кольт сорок пятого калибра, в смысле, 11,43 миллиметра... Да, штатовская армия и других стран НАТО, частично полиция у них вооружены... Что? Ну при чем тут, Игорь Степанович, Голливуд! Вы сами зайдите и гляньте! Факт – кольт. И стандартный патрон применялся – 45 АКП. Экзотический для наших мест «ствол». Из него и убили...

«Вертушки», основательно обработав кишлак «эрэсами» – пятнистыми «щуками», с клетом и звоном, пронесли над головой. Красные, неимоверно плотные клубы пыли еще стояли стеной, когда первый «броник» нырнул за разваленный взрывчаткой дувал. Олег с ребятами шел на родной, четвертой «бронь». Ротный проорал, чтобы глубоко не совались – «духам» и «эрэсы» нипочем. «Особенно, если они тут вообще были!» – со злостью мелькнуло у Олега в голове.

«Духи» были. Двое бородатых навзничь раскидались у опрокинутого и покореженного ДШК.

– По «вертушкам» били, суки! – выругался кто-то рядом. Леха, вроде.

– Какого х... столбами торчите, мать вашу! По сквозняку в башках соскучились!

Это «бугор». Сержант Поляничко, или Юрка-комод. Комод – потому что командир отделения, а еще – потому что квадратный...

Долбануло у самых ног! Очередной внутренний монолог на этом и оборвался. Откуда летело, сразу и необразишь. Олег и Леха кубарем скатились в воронку, к мертвякам-пулеметчикам. Уж лучше такая компания здесь, чем там – перед очами Аллаха!

«Духовский» пулемет лупил с прежней настырностью. С «брони» отгавкивался «владимиров», лениво и бестолково, вслепую.

– Откуда же этот хрен моржовый палит?! – Леха, как всегда, терял терпение на первой минуте первого тайма. Он заелозил наверх, желая осмотреться, непроизвольно оттолкнувшись ногой от ближайшего к нему трупа. Мертвец от толчка чуть сполз вниз, что-то металлически звякнуло.

О, это был крутой трофей! Когда еще в Кабуле кантовались и была с неделю чистая лафа, по вечерам в клуб-палатке интендантский прапор за чеки видал крутил. По боевичкам Олег такую «машинку» и оценил. Любимая пушка Арнольда, которой он в «Коммандо» орудовал! Класс! Вот он, знаменитый кольт – и школьных обрывков «инглиша» достаточно, чтобы четкую надпись на затворе схватить.

Олег с восторгом прикинул пистолет в руке, обернулся к Лехе...

Дальнейшее произошло мгновенно, всё разом, кучей. Так и перемешалось в голове. Наверное, все-таки это снайперюга из «зеленки» подловил. Лехины мозги и кровь брызнули Олегу в глаза...

Потом всё – как не с ним. Что-то орал, в основном матом, стрелял в «зеленку», тащил на «броню» Леху, снова стрелял... Потом подоспели «вертушки», а их отвели на «базу»...

И только там, немного очухавшись, Олег добрался до трофея. По идее, дальнейшие действия рядового Мельникова должны были быть просты как мычание. Доложить по команде, сдать и тэдэ и тэпэ. Но поначалу по-мальчишески было жалко расставаться с кольцом, а потом случилась еще пара заварушек... Ну а после сдача стала проблемной по причине просрочки времени. Что прямо пропорционально повышало профессиональный интерес к рядовому Мельникову со стороны капитана Мызгина из особого отдела. Желания общаться с последним никогда ни у кого не обнаруживалось, и Олег не был исключением. А вот желание обладать столь клёвым боевым трофеем вообще снимало все вопросы и душевные метания. Впрочем, с оными как-то обошлось. Так и прижилась «машинка» у Олега. Понятное дело, молчком. Когда сам ни гу-гу, то кому ты на хрен сдался, рядовой Мельников!

А Леху проводили в Союз на «черном тюльпане». Груз «200».

Ну а через восемьдесят четыре дня – всё! Край!! Домой!!!

Из Афгана выходили на «броню». Нормально вышли, без крови. И шмон на родине был лажовый: братва чего только не принатырила... И «стволы», и «лимоны». Сувенирная память! В общем, домой в Читу, кольт доехал на «паровозе», под присмотром хозяина. Ништяк!

Полгода, правда, вместо головы дурилка была – во сне такое увидится, что вскакиваешь и орешь идиотом. От резких звуков – по привычке к земле... На траву поначалу вообще не ступалось, потом, с опаской, привык. Или, наоборот, отвык, наконец? Нет, сейчас норма. Так, иногда...

Светлана Васильевна, когда Дима Писаренко узрел ее в самый первый раз, впечатление произвела! Эффектная, почти что натуральная блондинка с неплохой фигурой и ногами от ушей. Зеленые глаза, не лишённые волнующего блеска даже посреди кабинетной казенщины прокурорского интерьера, где Дима со Светланой Васильевной и встретился. Естественна, притягательна. Это Дима в первую очередь зафиксировал. «Умеет себя перед мужиком подать без каких-нибудь дополнительных усилий», – подумал с удовлетворением, радостно себя обнадеживая.

Очень быстро выяснилось – классик прав: надежды, питающие юношей, иллюзорны. Деловые – правильнее будет сказать, сугубо служебные, – отношения следователя областной прокуратуры Светланы Васильевны Алейниковой и оперуполномоченного уголовного розыска УВД капитана милиции Дмитрия Сергеевича Писаренко за минувшие после их первой встречи два с лишним года ни в какие другие не перешли.

С легкой грустью размышлял об этом Дима, в очередной раз сидя в неудобном, заваленном бумагами в картонных папках и без оных, темном и холодном кабинетике-чуланчике Алейниковой. Следя за длинными, наманикюренными пальцами СВ (так Дима про себя уже с год называл хозяйку кабинета), извлекающими из сигаретной пачки очередную «стюардессину», капитан Писаренко мысленно делал печальные, с лирической точки зрения, выводы: его надежда лопнула, как воздушный шарик, в который беспардонно ткнули (ткнула!) горячей сигаретой.

Его выводы наполнялись истинным трагизмом, потому как недавно Дмитрий бросил курить. Отрезая себе пути к отступлению, даже поспорил на сей счет со своим приятелем и коллегой Сергеем Поповым на бутылку «Наполеона». Понятно, что индивидуально тратиться на «кусачий» французский коньячок, гордо возвышающийся на витрине «комка», оба не имели ни малейшей надежды. Вернее, финансовой возможности, хотя вожделенный «Наполеон», из-за разлива на польской территории, цену имел кратно меньшую, чем оригинал из мушкетерской страны.

В общем, каждый крепился, демонстрируя незаурядные волевые качества, по поводу чего коллеги заключивших пари выражались в различных вариантах, но по смыслу одинаково: эту бы энергию да в мирных целях – для пользы оперативно-розыскной деятельности. Одновре-

менно при каждом удобном случае Дмитрий и Серега всячески провоцировали друг друга «на предмет табачной слабости». В глубине души каждый с нетерпением ждал мгновения «прокола» товарища, но не ликования ради, а того для, чтобы с наслаждением и глубоким чувством исполненного долга торжественно приобрести пачку любимых сигарет и за-тя-нуть-ся!

Но пока ожидание светлого мига больше смахивало на прогрессирующую паранойю. И этим нарастающим «заболеванием» объяснялись все беды и проблемы. Безусловно, что весь курящий «контингент населения» относился теперь к категории отрицательной части человечества, из-за которой все беды. И предмет безутешных Диминых вздыханий в лице СВ, к сожалению, тоже обосновался в категории зла.

Следя за тлеющим кончиком сигареты Алейниковой, капитан Писаренко старался убедить себя в том, что совместные потуги угрозыска и прокуратуры раскрыть убийство в дачном кооперативе «по горячим следам» оказались несостоятельными только из-за страшной никотиновой зависимости отдельно взятых прокурорских работников.

Личность убитого была установлена, но каких-либо зацепок это пока не дало. Иван Семенович Портнягин прожил самую обычную жизнь. Оставшуюся до пенсии «семилетку» так бы, наверное, и трудился прорабом в родном стройуправлении. По выходным – копался с домочадцами на четырех сотках дачного участка, сползающего с косогора у бурлящей Кручины, куда с супругой и младшей дочерью приезжал на выдавшем виды жигуленке.

Под стать «копейке» была и дача. Нехарактерная для прораба СУ (у колодца да не напиться?). Портнягины жили скромно, особенным достатком похвалиться не могли. Другими словами, версии о темных связях, как и корыстных мотивах преступления, у следствия отпали быстро.

Картина пока вырисовывалась такая. Погибший вечером, видимо прямо с работы, поехал на дачу полить зелень. Где-то по дороге посадил попутчика или попутчиков. Убили Портнягина в машине, за рулем. Судмедэксперт заключение вынес однозначное: выстрел в упор, срез ствола оружия был почти прижат к одежде убитого. Стреляли в грудь, но под значительным углом справа, почти в горизонтальной плоскости. То есть с переднего пассажирского сиденья. Баллистики из ЭКО говорят о том же самом. И еще о мощности оружия: крупный калибр, солидный заряд – во входное отверстие на теле палец свободно войдет, а выходное повреждение на спине, вернее, почти в левом боку, – вообще рана жуткая. Пистолетную пулю потом в «жигулях» найдут, а вначале, при осмотре обнаруженного трупа и вскрытии, сходились на крупном охотничьем калибре и самодельной пуле-жакане.

Вишневую портнягинскую «копейку» обнаружили в Дарасуне, на станции, километров в семидесяти на восток от областного центра. Жигуленок стоял за деревянным зданием местного вокзальчика. На переднее сиденье был наброшен кусок брезента: севший за руль преступник постелил, чтобы не измазаться в крови, которой на водительском месте было в избытке, как и в багажнике автомобиля. Значит, труп еще некоторое время убийца или убийцы везли с собой, а уж потом бросили в кусты неподалеку от дачного кооператива. Скорее всего, Портнягин сказал своим пассажирам, что будет сворачивать с трассы на дачу, потому вынужден их высадить. Вот тогда-то и прогремел роковой выстрел.

Заезжали преступники по дороге от Кручины до Дарасуна куда-нибудь или напрямик до станции проскочили – узнай попробуй. Но машину не грабили. Доехали до перрона и бросили. Опаздывали на поезд или нарочно к вокзалу подкатили? Откуда у них такой экзотический «ствол»? Куда делась гильза? Кольт 45-го калибра – не револьвер, гильзу при выстреле выбрасывает. Вопросы, вопросы, вопросы...

Дима тяжело вздохнул и, дождавшись, когда «прокурорша» дочитает заключение Тимонина о пуле, выковыренной из левой стойки жигуленка, спросил:

– Что скажете, Светлана Васильевна? Как вам такой сюжетик?

– А может, это и к лучшему, – со своей обычной сухостью ответила СВ, глядя сквозь Диму. – Американских пистолетов у нас, хотя бы пока, явно меньше, чем охотничьих ружей. Вам и карты в руки, Дмитрий Сергеевич. Надеюсь, что последнее обстоятельство учтено вами в плане розыскных мероприятий?

Капитан Писаренко еще раз тоскливо повторил про себя сделанный вывод о причинно-следственной связи воздушного шарика и горящего окурка...

Олег Мельников призыва был весеннего, соответственно, наступил и «дембель». Но родительские надежды, что по осени Олег сумеет поступить в политехнический, хотя бы на подготовительное, оказались чересчур оптимистичными. Куда там! Короче, как устроился летом, с помощью бати, слесарить в ПАТП-2, проще говоря, в городской таксопарк, так и продолжал пролетарить уже третий год. На «политене» поставил крест – тягаться на вступительных со свежими выпускниками средних школ не получилось. Поэтому родительские иллюзии об институте угасли окончательно, что Мельникова-младшего в душе и не грызло.

Афган вообще избавил Олега от иллюзий. Былые мечтания вчерашнего школьника остались там, на кручах Саланга. Как и многое другое. Идеалы там разные, понятия о черном и белом...

Общительностью Олег и раньше не отличался. И теперь больше любил у отца в гараже с железками возиться. Неполный год после школы до армии тоже пролетел бестолково: на курсах в ДОСААФе немного позанимался – не понравилось, бросил. Батя устроил в ремонтные мастерские, потом на автосборочный в ученики... Когда повестку принесли – Олег даже обрадовался.

Военно-патриотического задора заметно поубавилось, стоило стриженной пацанве очутиться в «учебке». Она оказалась от дома далековатенько – под Ташкентом. Четыре месяца в пыльном и прокаленном жаром гарнизоне в полусотне километров от «города дружбы народов». Но красоты «Звезды Востока» так и остались неисследованными.

Душной ночью тревога сорвала с липкой простыни. Лихорадочные сборы, от которых слетела вся кожа на костяшках пальцев (кто придумал такие ручки у деревянных патронных ящиков?), изматывающий марш на ревущих в бесконечной колонне «сто тридцать первых» ЗИЛх...

Сумасшедшая ночь завершилась на необозримом военном аэродроме у пузатых транспортных «Анов». Внушающая крепкий оптимизм плотность заправки желудков, которой завершились несколько часов ожидания близ аэродромной бетонки, приказала долго жить после первого часа болтанки в самолетном брюхе. Потом кишки просто бились друг об друга прямо-таки с жестяным грохотом: самолет лез через горные хребты, ухая в воздушные ямы и содрогаясь всеми своими железками. Дубарь в поднебесье тоже оказался изрядным: шинельную скатку раскатал самый ленивый. Наконец сели где-то. «Где-то» оказалось Кабулом...

Афган Олег вспоминать не любит. Может быть, потому и отстранился от братвы, вернувшись домой. После гибели Лехи, единственного для Олега боевого друга, так ни с кем и не завязалось чего-то крепкого. В Чите однополчан не знал, да и не стремился узнать. Приходили, звали в клуб, ассоциацию или союз там какой-то создают. Нет, хватит! Чем быстрее забудется, тем лучше... И свое удостоверение о льготах засунул подальше – впереди женщин с детьми к прилавку лезть?.. Медали «За отвагу» и афганская, которая якобы от «благодарного народа», где-то у матери в шкатулочке, с его роддомовскими клеенчатыми бирочками.

Редко, когда Олег оставался в квартире один, он залезал на антресоли и вытаскивал из-под груды барахла вороненый афганский трофей. Но колыт все чаще и чаще напоминал ему чемодан без ручки: быть его хозяином, что сводилось к такому вот тайному любованию «машинкой», былой радости уже не приносило, а избавиться, попросту выбросить пистолет,

дабы не играть с законом в кошки-мышки, – жалко. И снова прятал увесистый сверток под старье.

Определенные взгляды на трофей стали зарождаться у Олега через несколько месяцев после знакомства с Леной.

В минувшем сентябре это произошло. Если быть точным, в воскресенье, 9 сентября 1999 года. В день рождения Влада Орехова, одноклассника Олега.

Столкнулись с Владом совершенно случайно накануне, в пятницу. Мать почувствовала себя неважно, Олег поспешил в центр, в единственную дежурную аптеку, купил лекарство и топал через площадь на троллейбусную остановку – на «единичку», и домой, в Северный. И тут навстречу – веселая шумная кучка «фирменных» мальчиков и девочек. Явно на ресторан «Забайкалье» нацелены. Азимуты пересеклись – притормозил, пропуская.

– Ба, Олега! Ты? – Долговязый парень, стряхивая с плеча девичью руку, шагнул к Мельникову. «Вареный» с головы до ног, обутых в белоснежные фирменные кроссы «Найк». Только тут его Олег и признал – Орехов Влад. Владислав. С шестого класса учились вместе. Последний раз на выпускном виделись.

– Старик! Смертельно рад! Где пропадал? – затараторил бывший одноклассник. Олег молча пожал узкую и вялую ладонь, неопределенно пожимая плечами.

– Владик! – Из-за плеча Орехова ленивой кошкой выглянула одна из девиц. Мордашка вроде ничего, но столько косметики Олег не любил. Взгляд девицы прошел сквозь Олега как через пустое место. – Владик, мы так вообще не попадем...

– Лю, я тебя умоляю, не надо нервов. – Небрежно-манерный тон Влада для Олега внове. Раньше, в школе, не виден, не слышен был одноклассничек.

– Олега, – тем не менее заторопился Орехов, – извини, старик, накладка нынче... Обещал вот бабцов в кабак стаскать. Может, с нами, а?

– Да нет, срочно домой надо, – Олег показал однокласснику пакет с лекарствами. – Как-нибудь в другой раз.

– Понимаю, старик, молодец! Предкам привет от меня... Кстати, в воскресенье гуляем мои амманины, так что на ловца и зверь! Давай, старик, как штык! Живу там же, к шести жду. Железно? – Влад просящее заглянул в глаза. – Подгребай. Мои будут рады. Тем паче – сабантуйчик без тусовни. – Это Влад явно для наостривших ушки «бабцов» кинул: – По-домашнему: па, ма да мы с тобой, ну разве еще пара-тройка гостей из ближнего кружка, а? Посидим, побазарим – как и что за эти годы, а? Хоп?

«А почему бы и нет?» – подумалось Олегу. Насколько он помнил, отец у Влада, преподававший в пединституте, мужик был с юмором, интересный собеседник, с которым разница в возрасте не ощущалась. Да и хотелось просто посидеть, для души. Влад же был оттуда, из золотых школьных деньков, из поистине сказочного прошлого, где еще никто ничего не знал, где не было той большой лжи, крови и дуроты, которые пришли позже. С афганской желтухой и улетающими в Союз «черными тюльпанами»...

И в воскресенье Олег пришел к Владу, захватив в качестве презента «новорожденному» японскую пьезозажигалку – единственный оставшийся «дембельский» сувенир. «Кольт-45», естественно, не в счет.

Подарок был оценен. Олег оказался в центре внимания, чего он не любил, но зато, когда застолье, а оно оказалось действительно по-старому чинным и домашним, подошло к логическому концу, Лена позволила Олегу проводить ее.

Лена... Олег сразу обратил на нее внимание. Красивая! Подруга Тани – по разумению Олега, невесты Влада. Это, кажется, было уже делом решенным. По крайней мере, родители Влада, Борис Петрович и Элеонора Львовна, относились к Татьяне именно так.

А Влад... В родной домашней обстановке он являл собой прямую противоположность тому «фирмовому» мальчику, что двумя днями раньше «тащил бабцов в кабак». Но Олега это

не удивило. Он уже давно ничему не удивлялся. Кстати, «кабацкие бабцы» на чинном домашнем застолье, понятно, отсутствовали. Татьяна с Леной – совершенно не из круга пятничной компании Влада. Тут он – воспитанный молодой человек, послушный и добрый мамин-папин мальчик. И за столом всё по-доброму. Папа, мама, бабушка, сын-внучок, он же именинник, потенциальная невеста с подружкой и Олег.

Познакомившись с Леной, Олег невольно проникся к Владу искренней признательностью: умелая деликатность – «все подружки по парам». Весь вечер приглашал Лену танцевать, ощущая в ладонях гибкое тело, пьянея от аромата каких-то неведомых духов. Жаль, кавалером оказался нескладным – чего-то закосноязычил, на девичьи вопросы, как ему казалось, отвечал односложно и бестолково. Больше молчал. Разве что с Борисом Петровичем немного «за жизнь» побалакали, когда дымили на балконе. Но, тем не менее, прощаясь вечером у своего подъезда, Лена протянула руку и просто сказала: «Не теряйся, позвони мне завтра». Номер телефона Олег запомнил раз и навсегда...

Жизнь Влада Орехова уже давно напоминала ручеек, наткнувшийся на камешек-преграду: раздвоилась и потекла двумя извилистыми потоками, которые все дальше и дальше убежали друг от друга. Один потихоньку мелел, другой лавировал и весело журчал.

Давно уже не стало того тихого мальчика Владика из десятого «б», которого помнили его одноклассники и школьные учителя. Во-первых, Влад превратился в вечного студента. После школы «тип-топа» не вышло: с треском провалился на вступительных в медицинский. Ситуацию не удалось выправить даже энергичными усилиями Элеоноры Львовны, фигуры «в кругах, близких к облздраву», влиятельной. Но через год «скорбный труд» маман не пропал понапрасну, и Владика зачислили на первый курс лечфака.

Потом Владик и Олег почти в одно и то же время оказались на больничных койках. Но рядовой Мельников валялся в госпитале с печально известным афганским гепатитом, а диагноз студента Орехова был куда как мудренее. «Затяжное невротическое состояние» плюс еще несколько витиеватых латинских формулировок обеспечили Владу три месяца «стационарного обследования и лечения» на берегах Невы (так сказать, подальше от провинциальных эскулапов, таких несговорчивых) и еще почти полгода «оздоровительных мероприятий» в санаторных условиях уже у самого синего в мире моря. Экстренная забота о здоровье единственного «чада» вкупе с другими активными морально-материальными потугами Элеоноры Львовны и Бориса Петровича, а также срабатывание временного фактора уберегли здоровье Владика. Оно могло капитально пошатнуться, ежели бы не все перечисленное. Мягкая больнично-санаторная постелька принципиально отличается от жесткой и неудобной скамьи подсудимых.

Другие «сели». За хищение и сбыт наркотических веществ. Группа студентов-медиков, в которой был и Влад, с максимальной для себя пользой шакалила в читинских больницах: крали ампулы с морфином, омнопонем и промедолом, вливая страждущим пациентам хирургии и травматологии вместо обезболивающих препаратов банальный анальгин, а то и дистиллированную воду. Наркотики успешно сбывались. Понятно, не на барахолке. Покупатель имелся постоянный и оптовый. Он, собственно, мальчиков и девочек в беленьких халатиках и организовал. Погорев, добросовестно «спалил» будущих эскулапов. Эпилог всей этой нашумевшей в Чите истории для Влада и его поделщиков выглядел заметно дифференцированно: одним – приговор суда и срок, а «болезному» Владу – больничная койка и «академ». Академический отпуск Орехова-младшего затянулся аж на два года, потому как страсти в институте не утихали долго.

Впрочем, как говорится, всё это было давно и неправда. Нынче учеба успешно продолжалась. Жизнь наладилась и стала походить на сало в шоколаде, ибо студенческой обязателькой Влад обременительно не грузился. Тащился по семестровым дорожкам с удовлетворительной

скоростью, дабы не гневить ма и па. И так обеспечил им устойчивую седину и утрату миллиардов нервных клеток былым «наркобизнесом».

Влад любил своих родителей. До недавнего времени они были единственным источником его материального благополучия, обеспечивая бесперебойное снабжение «чада» фирменным шмутьем и дензнаками, что скрашивало суровое студенческое житье-бытье. Влад достаточно твердо уяснил: нехитрые реверансы с его стороны, мало-мальские усилия по поддержанию имиджа Владика образца той поры, которая называется «школьные годы чудесные», – этого вполне достаточно для ма и па. Взамен на Влада ежедневно обрушивался водопад щедрой, в прямом и переносном смысле, родительской любви, веры и надежды, заботы, опеки и всепрощения.

А Элеонора Львовна и Борис Петрович, как родителям и подобает, были стопроцентно уверены, что былая история с Владиком – первый и последний кошмар в их жизни. Это дорого обошлось семье, но, безусловно, отрезвило их наследника раз и навсегда. Как забыть испуганные глазенки мальчика-несмышленища, когда грубиян-следователь чего-то там от него хотел?! В общем, больше Владик их не огорчал. Только радовал. Учебой. Серьезными жизненными установками. Вот и с Танечкой Владик все обдумали – не торопятся. Кому нужна нищая студенческая семья? Получить диплом, а уж потом...

Танечка Ореховым-старшим приглянулась – прекрасная девушка из очень порядочной семьи. Элеонора Львовна сразу же навела справки: папа у девушки – без пяти минут генерал, второе лицо в медуправлении ЗабВО, мама – первое лицо в окружном «Военторге». И мадам Орехова уже подумывала о том, что пора заняться квартирой для молодых, будущей работой для сына. Его желание специализироваться на функциональной диагностике – очень правильное. Тут и в областной клинической больнице неплохо можно устроиться, а еще лучше в новом диагностическом центре, или в Центре восточной медицины, или в совместной с корейцами фирме «Фитон»... Для начала, конечно. А там – поглядим...

Корвалолы-валокордины и разные валидолы вряд ли бы купировали сердечную боль мадам Ореховой, если бы она узнала, что ее драгоценный Владик меньше всего видел себя волшебником в белом халате. Эти волшебники зарабатывали слишком мало радужных бумажек, даже крепко встав на ноги после окончания стоматологического факультета. А Влад «к зубам» отношения не имел. Святое предназначение а ля Ибн-Сина ему вообще было по барабану. После истории с наркотиками любящий сын любящих родителей умозаключил банальное: быют не за то, что украл, а за то, что попался. Вывод логично достроил: попадают те, кто крадет. Крадет жадно и безголово. Осмотрительность – вот что важно. Аккуратная осмотрительность, основанная на интеллекте. Осмотрительный вор попадает редко. И даже при таком печальном стечении обстоятельств можно выйти сухим из воды, если применять мозги, а не отмычку.

Без зауми все эти теоретические конструкции сводились к вещам прозаическим. Благополучный сын своих родителей Влад Орехов, студент и вообще молодец, подрабатывал. Но не ночными дежурствами или в качестве грузчика. Владик зарабатывал... наводчиком для группы удалых «братков», которых чрезвычайно интересовали богатенькие буратины и мальвины. Точнее – то, чем владели их папочки и мамочки. Сия прослойка в бывшем советском обществе год от года утолщалась. А так как этот процесс происходил в основном в среде тех незаметных граждан, которым неслабо купить шикарную квартиру, коттедж или японский джип последней модели, но затруднительно объяснить, откуда на такое приобретение взялись деньги, то несложно догадаться, что поле деятельности для Влада становилось все «шире и шире». К тому же, новые забайкальские буржуа, как правило, отличались незаурядной скромностью. В милицию предпочитали не бежать, если некто, пользуясь отсутствием хозяев, вдруг поубавил импортного добра, драгоценных цацек и хрустящих купюр в квартире или на даче.

Не стремились состоятельные граждане в компетентные органы, даже если удалые молодцы предлагали им «делиться» в открытую. Какой рэкет, о чем речь?!

Поначалу Влад Орехов струхнул не на шутку, когда в скверике напротив главного корпуса мединститута его окликнули двое крепко накачанных парней в спортивных костюмах, «чисто конкретно» предложившие познакомиться. На разболтанной «восьмерке» они прокатили притихшего Влада на лоно природы, где под сенью шумящих сосен мало запоминающийся своей внешностью, но обладающий удивительным даром убеждать мужчину средних лет, Орехову представиться не соизволивший, доходчиво прояснил Владу его дальнейшие жизненные задачи.

Дяденьку интересовал круг знакомств Орехова, имущественное положение состоятельных папенок и маменек некоторых его сокурсников и институтских знакомых, в основном, конечно, специализировавшихся по стоматологической части или занявшихся поставками в область лекарств, частным аптечным делом. Адреса квартир благополучных зубных техников и прочих дантистов типа Антона Семеныча Шпака из отечественного кинобестселлера, наличие дефицитных и наркотических лекарственных препаратов, порядок их хранения в больничных аптеках – это тоже интересовало «собеседника» Влада.

Перепуганный Влад излил, захлебываясь от подробностей, немало. Но со своим свежеспеченным «работодателем» пришлось еще раза три пообщаться, прежде чем тот вроде бы полученной информацией удовлетворился. И Влад наконец-то вздохнул с облегчением, наивно полагая, что – все, развязался. Блажен, кто верует!

Хлопчики-качки выцепили Орехова месяц спустя там же, около «альма матер». В салоне знакомой «восьмерки» вручили ему пачку червонцев в банковской упаковке. Тысячу! Усмехаясь, старший из двоицы фамильярно похлопал Влада по плечу и сказал, что «хозяин» его усилиями доволен. На том и расстались. До очередного раза. Теперь звонили домой, вызывали на встречи, каждый раз на новое место. Разговоры были короткие и деловые: какие новые наводки имеет.

Дальше все пошло обыденно: обмен информации на наличку. И к этим наличным Орехов-младший стал привыкать. Помнил и о собственной осмотрительности, даже нравилось играть в эту конспирацию. Добавляло адреналинчику в кровь! А еще с жадным любопытством выискивал на лицах, в настроении и поведении «сданных» сокурсников последствия своих наводок. Только одно угнетало: «гонорар» не возрастал. Общавшаяся с Владом парочка хлопцев, сменивших бывшую потертую «восьмерку» на новенькую «девятку», новых свиданий с «работодателем» что-то не назначала. И это угнетало.

Глава 2. Демин, 11 ноября 1886 года

Скрутило Дмитрия Прокопьевича. Хвори и болячки прицеплялись и ранее, да справлялся с ними могучий организм таежника играючи. А тут угораздило в воглой одежде полдня до Тунки добираться. И как сподобился провалиться в промоину на перекате горной речушки? Хаживал-перехаживал, а вот, поди ж ты... Дома зазнобило, а к ночи поднялся жар, сдавило грудь. Настена Филипповна супругу баню сготовила, но и после пара облегчения Дмитрий Прокопьевич не почувал. Наоборот, ослаб до дрожи в коленках.

Наутро встать желания не было. Слабость, совершенно для Дмитрия Прокопьевича незнакомая, превратила в старца немощного. Лежал, глядя в беленый потолок, слушал собственное нутро. Ком стоял в груди, подступающий то и дело кашель сухо рвал глотку. Настена Филипповна отвар травяной запарила, поила из кружки, но и к полудню не отлегло, не отхаркивалась хворь, давила.

Отбрыкался, отъездился Сивка пегий?..

Не по себе стало Дмитрию Прокопьевичу от такой думки.

Кому сколь Господом отмерено? Знать бы... Обычно меркой отцы да деда с прадедами служили: ежели в роду каждому из мужиков за седьмой-осьмой десяток переваливало, то и по сыновьям-внукам Господь аршин свой жизненный так же прикладывал. А у него, Митьки Демина, какие мерки по мужичьей родове? Прадеда – деда не знал. Отец рассказывал, что они оба молодыми в тайге сгинули. Да и батяня так же кончил, всего лишь на пятом десятке...

Это что же получается, а? Один он, Митька Демин, по жизни до сей поры в везунчиках?

Да уж, фартило... Когда малыши в бабки бились, собирал с кона навар только по меткости глаза и твердой руке, а не свинчатым битком. Тьфу ты, прости господи, о каком тогдашнем наваре заталдычил: не на медь орленую играли – откель она у деревенских замурзанов! – на те же самые бабки, отполированные руками и временем до блеска благородного.

Хозяйство семейное особым достатком не блистало, но батяня охотником был добрым, ружьецо имел справное, по снегу уверенно бил соболя и белку. Митькины старшие братья, Прокоп и Демид, наловчились силки и петли на зайцев с куницами ставить, а его годков с восьми батяня приобщать к промыслу начал. К четырнадцати летам Митька ростом заметно прибавил, крепкие кости мясом обросли, – стал на равных с отцом и старшими братьями в тайгу хаживать.

Домашние дела правила матушка. С тремя младшими Митькиными сестрами. И четвертую под сердцем носила, когда батяня в очередной раз по чернотропу свое охотничье воинство собрал на соболий промысел. Пошли на привычные уголья, за полсотни верст к северам от родного Курунгуя. Там Большая Анга черную студеную воду несет долго. Самый соболик как раз за Ангой, в кедрках.

Тут лихо и приключилось. Вроде бы и плот привычно сбили, не впервой. На переправу пошли основательно и неторопливо. Но закрутило на стремнине, понесло на гудящие пороги и так хлестануло, что очухался Митька только затемно, в полной заледенелости. Отвел Господь погибель. Повезло... А на другой взгляд, какое, на хрен, везенье, если оказался выброшенным на противоположный берег в задубелой и мокрой до нитки одежде! Даже сереница, тщательно замотанная в вощеную тряпицу и в мешочке кожаном – огневице – за пазухой сберегаемая, пострадала от воды бесповоротно. И что с батей и братьями?..

Никогда больше Митька ничего про них не узнал. Сгинули. Таежному духу на жертвенный дар пошли. Скрыла черная вода Анги эту тайну. Как выбирался из тайги – отдельный рассказ. Благо, бывал уже на угольях, ведал про одно зимовье неподалеку, там согрелся и ожил. Больше недели, на запасах из зимовья, прошаривал речные берега вниз по течению. Но следов батяни и Прокопа с Демой так и не нашлось. Потом сподобился перебраться через Ангу

и возвратиться домой. Лучше б не приходил... Маманя от всех митькиных известий раньше времени разродилась мертвой девчухой, так что не получилось у Митьки четвертой сеструхи. А матушку родовая горячка и кровотечение свели в могилу через сутки. И остался Митька в неполные пятнадцать годков главой рода с тремя сестрами на попечении: десяти, восьми и трех лет.

Благо родни – пол-Курунгуя. Разобрали девок. Двоюродная тетка и Митьку к себе звала, но он уперся. Из родной избы – ни шагу. Дядька Тихон к себе в промысловую «артелю» взял на подхват. А куда Митяю деваться, чем жить да сестрам помогать, – кому лишний рот задарма нужен?

На пятом годе в промысловой тихоновской артели Митька уже совершенно справным охотником заделался. С ружьем и купцом! Знамо, что в общий счет артельщики соболя и белку били, но рухлядь каждый сдавал самолично. У Митяя оказалась твердая рука, а посему зверушек в глаз бил аккуратом, шкурки не портил. Один шустрый приказчик в Качуге митькины шкурки особо выделял, платил щедрее. Дядька Тихон поначалу даже нос задира, мол, знай наших, а потом переменялся: кривило его, кады «купец» не сыновей тихоновских нахваливал, а более щедро тряс кошелем, двуродного племяху выделяя. Оно так и скатилось к раздору опосля очередной промысловой поры.

И засел Митька на зиму одиноким волчарой в родительском доме, а по теплу подпер тесовые двери и калитку в воротах, да и подался к тайгу. За теплые месяцы обустроил свое зимовье за Ангой, по осени поднакопил припасов.

И зажил – сам себе хозяин. Оканчивая промысловую пору, появлялся в Курунгуе, сбрасывал сестрам от охотничьих щедрот, а себе оставлял ровно столько, чтобы до следующей соболей поры не бедствовать и с припасом для промысла быть. А куды боле? В охоте везло, чего еще желать? Конечно, большая из сестер, Анюта, перебравшись из девок в бабы замужние, сразу поучающего гонору набрала. Моложе Митьки, а сверлила, как бабка-сводница! «Остепенись, выдь из отшельников, в родителей дом возвратись и бабу туда приводи, а ежели невест в Курунгуе недобор, так в Малой Тарели молодух хватат с избытком, а уж в Бюрюльке счет и вовсе на десятки идет, особливо кады такой молодец подкатит чин по чину со сватовством...» Но Митька на эти вопли-уговоры, что Анюта кажинный раз заводила, и усом не вел. Трещит баба – да и пушай трещит!.. И не задерживался в селении.

Сумеречничая в зимовье за латанием ичиг или попросту глядя на чадающий огонек жировой плошки, думал, конечно, о таком раскладе. Да чё народ смешить – какой он покедова хозяин? Вот кады вослед за Анютой и Таньчу с Марьяной за мужиков пристроит, тады и глянем...

Решилось со временем и с Таньчей, и с Марьяной. Да оборвалось вскорости Митькино везение. Хотя ежели с другого бока глянуть... Гнил бы в земле сырой!

А получилась история еще та!

Вышел из тайги Митрий со знатной добычей. Повез в Качуг соболью рухлядь к приказчику-скупщику, с коим дело имел. Охотного люда там уже немало толклось, бойкие торги шли. Знамо дело, кругорядь и людишек темных крутилось, как гнуса таежного. Энти гаврики на уме одно держали: кусман урвать с ротозея-промысловика, подпоив в кабаке, а то и дубиной по голове шандарахнув или ножичком вострым пырнув. Митрия сия доля покуда обходила, да и на старуху бывает проруха.

В общем, и его черед настал: зашел в трактир к Ерофеичу щец похлеба, а там его ватага пришлых каких-то окружила. Дерзкие людишки, с ножиками и топорами, числом с полдюжины. Ну и разметал их Митрий. Поначалу в кулаки отбивался, а потом, в раже и злобе от подлости такой и порезов, вырвал у одного из татей топор да и расчехловил ватагу в мясо...

Живот свой спас, но везение завершилось: подоспели полицейские чины и увели Митьку в полицеймейстерское присутствие. Э... не так! Сам пошел, дабы все в аккурат по справедливо-

сти и разрешилось, в чем и сумления не имел: и трактирный люд видел всю заваруху, да и других зевак и свидетелей полно было... Эва-н, губу раскатал! Полицмейстеру-хряку обстоятельный сыск – лишние хлопоты и возня. Все и так, как на блюде: жертвы порубленные в наличии, злодей весь в кровище имеется, да и не отпирается оный.

И оказался через месяц Митрий в кутузке, будущем Александровском центре под Иркутском.

Сия тюремная обитель еще на всю Рассею-матушку черным звоном не гремела, представляя собой каторжный винокурный завод, построенный в 1787 году в большом торговом селе Александровском. И была при нем пересылка – на сахалинскую каторгу, в нерчинские и акаутские каторжные рудники, на страшную амурскую «колесуху», в якутскую ссылку. Держали в части камер подследственных, из простонародья. Летом 1871 года завод закроют. Государь царь-батюшка великий Александр II лично отдаст распоряжение о выделении 90 тысяч рублей «для приспособления зданий упраздненного завода под центральную тюрьму». Каторжная тюрьма будет готова в ноябре 1878 года, рядом в 1889 году построят отдельную пересыльную тюрьму. В этот же год деревянный Александровский централ сторит, но за четыре года трудом каторжан будут отстроены уже каменные корпуса, в которых оборудуют 37 общих и 21 одиночную камеры – на 1100 «посадочных мест». Это будет, а пока – кутузка бревенчатая за частоколом из бревен.

Суд был нескорым, но дюже суровым: пятнадцать годков каторжных работ отвалили убивцу пятерых людишек!

Так зимой 1863 года тридцатичетырехлетний Дмитрий оказался в пересыльном каземате. Тянуть каторжную лямку предстояло ему на далеком и неведомом Сахалине-острове. Места, как поговаривали, жуткие и гиблые. А у Дмитрия полный бунт внутри – это как же такой оборот-то?! Жисть свою от лиходеев спасал, а вышло – убивец! Подсахарили, небось, лапки полицмейстерам тайные верховоды тех лихих людишек; раздели, чай, барынь-боярынь жен судейских чинов в соболиные шубейки! Вот оно и сложилось сикось-накось для него, Митрия! Бушевала лютая злоба внутри, да хоть забушуйся – забор высокий, решетки крепки, штыков полон двор...

Но оказался в пересыльном каземате юркий мужичок, из цыган бродяжих. Поговаривали, полюбовницу зарезал, заодно прихватив ножичком другого ее дружка, каковой, стало быть, цыгану полной помехой был. И каторжный срок заработал ревнивец не меньше митькиного.

Вот этот шустрый цыганок и начал подбивать народец в каземате на побег. Дескать, самый удобный случай сорваться, – как на этап команда грянет, пока поначалу в сборах нескладуха-неразбериха катавасится и еще не навесили по рукам-ногам цепей железных. И еще-де пора самая удобная – зима.

«Дурень! Летом тайга-кормилица укроет, а зимой – зверь-шатун, ты и боле никто...». Это ему и Митрий и другие мужики говорили, а цыган поднимал к низкому бревенчатому своду каземата тонкий грязный палец, загадочно качал головой и, щерясь, гуторил в ответ: «От дурней слышу! Ежели на юга в тайгу и сопки пойти, то ищейки след потеряют. Оне где беглецов обычно рыщут? Там, где люд обустроился! А в Саянских горах не в жисть не дотумкают искать, потому как дороженька туда – справедливо, мужики, гуторите! – на верну погибель. Так-то оно так, да не так! Дичи полно непуганой, а если с нехитрым запасом пойти, то и вовсе лепота, полный фарт!»

И сговорил семерых. Дмитрий оказался в их числе, потому как горбатиться на каторге не собирався, убежденный в своей невинности, а злость от содеянного над ним судилища и вовсе разум затмила.

Под «нехитрым запасом», как оказалось, цыган-заводи́ла подразумевал дело тяжкое, хотя чего терять каторжным варнакам! Зарезали цыган и его дружки под студеное утро двух конвойных солдатиков, заимев пару ружей штуцерных, пороховой и свинцовый припас к ним, две

котомки со снедью. И у самих беглецов кое-что имелось: пайка, что на этап арестантам до первого станового харчевания выдана была. Тут тюремное начальство промашку дало. Надоть было в кандалы сперва заковать, а после хлеб и желтое сало старшему выдавать. А может, в нарочь так поступило: жратвой арестантов не баловали, вот и пушай на дорогу сил прибавят, а кто уж на тракте обессилит... Не судьба!

Бряцающая увесистыми штуцерами, в предраассветной темноте ломанулась лосями семерка отчаянных по льду через Ангара, на левый берег, а потом заснеженной долиной – вверх по Китою на юго-запад, нацелясь на глухомань Восточных Саян.

По свежим следам пошла конная погоня, стала наступать. И понесли беглые первые потери: застрелили стражники двоих арестантов за Одиномком. Остальных, скорее всего, ожидала та же участь, потому как за двух зарезанных конвойных солдатиков пощады не жди!

Но закружил седой хиус бешеную метель, и оторвались пятеро беглецов от конного храпа погони в таежных распадах...

Тяжело дышится Дмитрию Прокопьевичу, не отпускают тиски, грудь сдавившие. Вот, ведь, чертова промоина! Как проглядел? Ладно бы по первопутку тайгу топтал... Тот шустрый цыган, что из централа их на побег подбил, тайги вообще не знал. Так же ухнул на горном ручье в промоину. А там вода живая и яростная – снаружи и не подумаешь, как под ледяным настом поток несет! Наступил цыган на ледяной пузырь, – трах-бабах! – и враз затянуло под лед. И оставшаяся троица, как узрел он, Митрий, враз сомлела в испуге. А чё не сомлеть? И по горным осыпям не ходоки, и страх перед тайгой обуял. Мол, чего на края лезть, ежели в богом забытом поселении, особливо где старательские людишки кучкуются, можно пристроиться. Там никакой царевой властью и не пахнет. Так-то оно так. Власть и в сам деле эти старательские поселения стороной обходит, потому как народец старателей – отчаянный, уркаганский. А песка золотого намоет такой субчик – куда понесет? То-то и оно! В государеву скупку, к купцу али же в кабак с лавкой. Вот где караулить надо! А на старательском поселении пушай оный люд сам разбирается: ежели кого и подцепят на нож-перо – Бог дал, Бог взял...

Махнул Митрий на забузивших – вольному воля. Так и расстались – троица в сторону Ходарея подалась, а Митрий – на юг, к Саянским горам.

Было, было желание жгучее, душу выворачивающее, тож пойти к людскому теплу... Но как подумал обо всей той шушере, что вокруг приисков кучкуется, из-за которых и загремел на кичу... Ан нет, лучше в тайгу родимую, а родная она не только на Анге. И Саянские края – тож.

Так по Китою вверх и ушел в одиночку на западную оконечность Тункинских гольцов. Еще в Качуге братва охотничья рассказывала, что места эти зверем и птицей богатые, прокормиться можно, кады навывим имеешь. А этого у Митрия было в досталь. Конечно, оставшийся штуцер (второй вместе с цыганом под лед ушел) за собой оставил, как и припас к нему. Отделившаяся троица не бузила – отнесли с понятием: человеку в тайгу, да в одиночку... Да и чего зариться на казенное ружьецо, кады за него, не дай бог, при поимке так спросят, что не только спина лопнет, но и шея от веревки. А без этого «нехитрого запаса» учини-ка, попробуй, сыск: я не я...

Долго ли, коротко ли, но выбрал Митрий на известковые пещеры по левому берегу Китою. Намыло туточки подземными водами очень даже интересные и большущие норы, почитай, больше десятка. Одна-то и вовсе – дворец подземный, хоть терем в три яруса в ней устраивай! Но Митрий выбрал норку поменьше и понезаметнее. С хитрым устройством! Это ж как природа изловчилась: лаз в нору-пещеру в густых кустах – кады б не зима, вовек не отрыщешь. Да и лаз непростой: туда – юрк, а дале ползи-забирайся вверх, только опосля откроется сама грот-пещера. Снаружи мороз трещит, но холод-то тяжелый – по лазу не подыматся, оттого в гроте даже ноги не стынют, ночевать вполне сносно. Даже костерок помаленьку можно разложить – кака-то тяга есть кверху, через трещины...

И прожил в этой пещере он три зимы. Сколь бы еще сподобился... А чё не жить? Охота знатная, рыбалка опять же богатая. Когда припасы к штуцеру иссякли, обмазал ружье звериным жиром, замотал в шкуру козью и в уголке своей пещерки закопал-заховал. Стал с луком-стрелами промышлять, петли-силки ставить на дичину. Думки в голове копошились, что не век же лесным духом по тайге шастать, но не спешил. Второй раз попасть в острог желания не было. Это еще удачливо с кутузкой вышло. Ежели б на этап в кандалы заковали... Не дурак оказался тот цыган, царствие ему небесное, хотя душа у цыгана безбожная, воровская, мятежная...

А куда его, Митрия, душа попадет? Тоже, небось, не на небеса. В адовом котле кипеть ему, хотя и не взял тады, при побеге, греха на душу с солдатами конвойными. А дале-то как жил? В оммане, аки в тумане. Полная кривда кругорядь выходит...

Осенью 1866 года Дмитрий вышел из китойской чащи с котомкой, набитой золотыми самородками. На Аршан вышел, а потом в селение Тунка подался. Люда там поболе, не так заметен пришелец. Золото в тайге – камень. Ценности никакой. Но и отшельничать при золоте, кормясь с охоты, когда приближаешься к сороковнику – не по уму расклад.

Зацепился за одну молодку вдовую в Тунке, Настену. Местный староста, страсть какой охочий до огненного зелья, был вдове Настене Филипповне довольно близким сродственником. Узрел мужичка справного, добытчика таежного, который и по золотишку удачливым оказался, да за увесистый камушек желтенький в списках поселенских деминскую фамилию намарал на одной из замусоленных страниц так ловко, как будто бы Митрий Демин вообще – тункинский сто лет в обед.

Деминым Митрий сам обозвался, чтобы напрочь судейско-сыскной дух отбить. Покойной матушки в память Деминым стал, не с небес прозвание такое притянул. А хто дознаваться станет? Бабы соседские и те – языками потрепали-потрепали, настениному счастью в завидки, да и завяли вскорости. А чё трендеть: мужик как мужик Настене достался, не лиходей, хозяйственный. И силу мужскую имеет, не в пример покойному Архипу, за которым Настена была. Тот зачах от пьянства горького, даже на потомство мочь-силушку пропил, а с Митрием у Настены через год – малец-удалец, Прокопом крестили. Как батяню со старшим братухой кликали, царствие им небесное... В память о них, сердешных... Кады на третьем годе после Прокоши Настена разрешилась от бремени вторым мальцом, то память продолжил – Демидом окрестил. Ниче парняги вымахали, как и Митрины брательники, – упокой, Господи, их души! – крепкие, в широкую батянину кость...

Печет в груди. А слабость уж до пальцев добралась. Сводит судорога-лихоманка, а ведь еще третьего дни мог медный пятак на спор согнуть в щепоти... Горько стало Дмитрию Прокопьевичу. Эва, накость-выкуси, Митька-везунчик! Отворачивается фарт-удача... А когда заветную Золотую Чашу нашел, – разом все, что до этого мига гнуло и корежило в жизни, сгнуло-запропастилось! Так для себя и назвал втайне – Золотая Чаша!.. Нагреб тогда самородков в озерце-плошке больше пуда! И потом еще, уже Деминым обзываясь, проведовал Золотую Чашу дважды. Посему и не знали они с Настеной нищеты, хотя и не выпячивал он шибко свой фарт. А так, мал-мало. Дескать, по таежным ручьям – там удача мигнет, здесь лешак подмогнет, по-доброму. Хоронил запас: Настене, ежели што с ним приключится, и сынам на проживу... Настена знат, где желтые камушки в запасе-мешочке схоронены. А путь-дорога к Золотой Чаше у Дмитрия Прокопьевича на кожаном свитке прочерчена, кабаржиной кровью в этот кожаный лоскут вдублена. Это еще тады чоркал, впервой выходя от места золотого, волшебного.

А жилу, граниты черных скал прорезавшую, и не колупал ни разу. Вода – вот сила-силушка! Сама сколь надо отломит, да в озерцо сбросит. Там и подбирал, как и в первом разе.

А только больше не пойдет. Даже ежли и встанет после лихоманки энтой. Только встанет ли... Но не в энтот загвоздка, не в энтот...

Привила тайга Дмитрию Прокопьевичу звериный нюх, а он не обманет! Вот в последнее свидание с Золотой Чашей так и торкнуло што-то! Как почуял кого. Ажно озноб меж лопатками прокатился! Будто сверлит взгляд, чужой и недобрый...

Заночевал тады привычно в пещерке своей затаенной, тремя зимами обжитой, а наутро, кады из норы вылезал, – сверху камня осыпались, чудом увернулся! И то ль с испуга пригрезилось, а то ли наяву... Черный воин стоял на скале, огромный лук натягивал. Кабы не оступился да не скатился по осыпи в кусты... Опосля чесал оттеля без продыха, пока дымки Тунки не показались...

Заскрипела дверь за занавеской. Дмитрий Прокопьевич с трудом голову навстречь повернул. Младший, Демид, крепень шестнадцати годков, остороженько в щель у косяка позыркивает, боится батяню хвораго потревожить. Эх-ма, слабина чертова в нутренностях! Отбрыкался Сивка...

– Демча, не хоронись за тряпкой, чево оробел? – Совсем струны в голосе нет, шелест какой-то.

– Да я, батя, попроведать...

– Ты, Демча, это... Прошку кликни и с ним вертайся. Слово у меня до вас...

Сорвался Демча прочь из избы, только занавеска вспорхнула.

Тяжело поднялся Дмитрий Прокопьевич с лежанки, горница качнулась под непослушными, ослабевшими ногами, в глазах помутнело. А в груди огонь распалился пуще прежнего, и рванул кашель всю нутрину так, что только и хватило сил два шага сделать. Кедром срубленным ухнул на лавку под окошком! С кухонной половины испуганно кинулась Настена Филипповна:

– Чой-то удумал! Чево поднялся? В покое надобно пролежать...

– Ты энто... Настена... Кха-ха-ха-а! – Свернуло на лавке бараньим рогом Дмитрия Прокопьевича. – Кха-ах-х!

Настена Филипповна кружку с отваром поднесла, а ему бы воздуха легкого, смолистого, из кедровника. Затопали в сенях, бухнула дверь. Сыны на пороге. Негоже им хворь отцову зреть. Сел на лавке, старшому прохрипел:

– Пошарь под плахой оконной, в углу... Свиток кожаный... Кха-ах-х!

Прошка, чубатый, русоволосый, с батей схожий шибко, под окошко нагнулся, засопел.

– Ну-у!

– Шас, батя, шас...

Вытащил удивленно почерневшую трубочку кожи. Развернуть хотел, но поостерегся, отцу протянул. А Дмитрий Прокопьевич, кашель задавивши, ничего с дрожью в руках поделать не может, так и колотится в черных пальцах свиток с еле различимыми каракулями – чертеж пути к Золотой Чаше.

– Проша... Демча... Настена... Энто оно самое и есть...

– Об чем ты, Митрий Прокопыч, приляг лучше, – опустила рядом на лавку супружница верная, кружку с отваром в губы тычет.

– Отстань, мать... Не буду я энто варево, не помогат... Печет в нутрях, Настенушка... Кха-х-ха-х! Вы... энто... сами всё...

И – повалился с лавки на пол, еле его Прокоп с Демой подхватить успели. Сволокли на лежанку. А Настена Филипповна в холодной воде тряпицу смочила обильно и лоб ему окутала. Села в ноги, долго слушала хрипы, потом подняла глаза на притихших и напуганных сыновей:

– Вроде заснул...

Осторожно ступая, вышли домочадцы за занавеску, склонились у окошка над кожаным свитком. Стрелки, завитушки, а еще как будто горные пики, ленточки какие-то начерчены – то

ли тропы лесные, то ли речки, а кривые буквицы и вовсе не разобрать. И как разберешь, ежели Настена Филипповна и сыны сроду грамоте не обучались, только счетом помалу овладели, дабы приказчики лабазные не дурили при покупках припасов...

Могучий организм Дмитрия Прокопьевича боролся с хворью еще шестнадцать дней. А потом Демина-старшего домочадцы свезли на маленький погост на взгорке за Тункой.

Отплакав, Настена Филипповна поведала сыновьям все, что рассказывал ей ночами, возвращаясь от Золотой Чаши, Дмитрий Прокопьевич. У парней глаза-то разгорелись! Особенно младшой, Демидка, заелозил: давай старшего подбивать на поход в Тункинские гольцы. А там, что, столбовая дорога проложена?! Грудью встала Настена Филипповна на пороге – не пущу! Отца ране времени эти гольцы в могилу свели, не пущу!

Отступились парнишки от матери, но думки свои не оставили. Да еще у Демидки язык – что помело! Приятелю нашептал про поход за поживой! Прокоп ему тумачков-то повесил, да впрок ли? Это ж, почитай, сорока уже на хвосте по четырем сторонам понесла... Хотя кого в Тунке да и во всей округе байками про золото удивишь – нет-нет да и попадались таежным ходакам желтенькие камушки на перекатах и в неглубоких ямках-уловах бесчисленного множества речонок и ручьев, катившихся с горных кряжей.

На шестом годе с кончины Дмитрия Прокопьевича, весной 1892-го, схоронили Прокоп и Демид рядом с отцом и мать.

А дом-то она все ж таки держала: в хмельной разгул ударились осиротевшие Демины-младшие, быстро и бестолково просадили в пьяном кураже родительскую заначку, за пару лет умудрились напрочь содержимое золотого батиного мешочка прогулять. Опосля чего Демид сызнова разговоры затеял о походе в Тункинские гольцы.

А чево в избе сидеть! Кумекали братья над батиной картой, кумекали... Да только мало это помогло. Связать матеревы рассказы с загадочной картой никак не получалось.

И двинули в тайгу на арапа! Добре поплутали. Вроде бы весь Китой, чуть ли не до истока, да и Китой-Кин, прошарили-облазили, а толку никакого! Перекинулись на Шумак, прокарабкались по петлям троп к верховьям – без толку! Водопады не раз встречались, да только не такие, как мать сказывала. И батин чертеж под них никаким боком не подходил. Но упорно лазили по китойским притокам, гробя на каменных осыпях латаную-перелатаную обувь.

Пожалуй, молодецкой удали еще бы на месячишко хватило, хотя дело шло к концу лета, ночами уже заморозок прихватывал ощутимо. Но в один темный вечерок, когда Прокоп с Демидом расположились на ночлег, нарубив пихтовых лап для лежки и запарив чаю в мятом медном котелке, произошло настолько напугавшее их событие, что вся старательская охота была отбита напрочь.

Сидели сумрачно у костерка, молчаливые от накопившейся за день усталости и беспросветности поисков, прихлебывали чай с сухарями. И вдруг прямо в середину огнища, вздыбив взрыв искр и углей, ударила черная, тяжелая и длинная стрела. А следом – жуткий крик откуда-то сверху, с нависавшей кручи: «О-о-оу-у!!!»

До-ол-го еще он дробился по распадкам гулким ночным эхом.

А братья, подхватив пожитки, ломанулись сквозь чепурник подале от костра со стрелой. Когда окончательно задохнулись от ночного драпа, на земь упали. Отдышались да ушами водили, глазами хлопая в темень. Опосля только мороз снова прочуяли, да и то не сразу; по новой огонь распалили.

До рассвета тряслись братья с глазами больше плошек, стуча зубами от страха и ночного морозца. Костер не грел, голод не томил! С самого утра, когда кусты различаться стали, кратчайшей дорогой подались домой. Спешили, путей не разбирали: у деревеньки Талой чуть в болотине не утопи, хотя раньше над чужими в таком случае позубоскалили бы вдосталь.

И – всё! Более на золотопоиски батиной сокровищницы – ни ногой.

Но и другим делом всерьез не занялись, нанимались от случая к случаю к зажиточным селянам на разные работы. Вот и все заработки.

И глушили самогон да брагу, как денежка заводилась или можно было кабатчику чего-то из барахла снести. В избе – грязь, сор и голым-голо. Родня по матери на непутевых рукой махнула: парни молодые, а видом – старики морщинистые и квелые.

Так и спились бы Демины, кабы не случилась для них внезапная перемена со стороны.

Глава 3. Орехов, 8 марта 1991 года

Родители наконец-то сподобились навестить родню в Иркутске. И на 8 марта Влад остался полновластным хозяином в квартире. Утром позвонил в Иркутск, поздравил ма и тетку, наслушался ценных советов по домоводству. Ага, делать ему больше нечего! Сегодня на кухне управляться девочкам: пару дней назад обговорили с Олегом справить праздник в непринужденной обстановке на квартире Ореховых. Двумя парами: он с Татьяной и Олег с Леной.

У Олега поначалу была мыслишка познакомить Лену в этот день со своими, но Влад расхвастался новейшей японской видеосистемой, которую пробивная Элеонора Львовна выкупила «где надо» по смехотворной, на взгляд сына, цене в три с половиной «куска». Видак у Влада, конечно, и до этого имелся, но куда кондовой «Электронике» соперничать с «Панасоником»! К тому же, на просмотр предлагался новейший фильм, напичканный обалденными, как сказали Владу, спецэффектами, – «Терминатор» с Арнольдом Шварценеггером в главной роли.

За несколько минут до прихода приятеля с девочками Влад достал из секретера коробочку с пилюлями, подбросил одну в ладони и закинул в рот. На спиртное Влад был слаб, быстро косел, превращаясь в слюнявого и сонного бормоталу. Перед Татьяной и, особенно, Олегом выглядеть так не хотелось. О пилюльках для сына тоже позаботилась Элеонора Львовна. Что и говорить, ма его имидж блюла! Влад проглотил еще одну, для гарантии. И тут же запиликал дверной звонок: гости явились.

Вечерок получился на славу! Влад верховодил за столом, сыпал анекдотами и цветистыми тостами. Олег не отставал: вспоминал школьные курьезы и армейские приколы, потом взялся за гитару. Мальчики потягивали коньячок, девочки – шампанское.

Влад с удовольствием заметил, что приятель несколько «поплыл», что Лене не понравилось. А Владу, наоборот, подняло настроение, избавляя от нарастающего раздражения: ишь, полностью завладел вниманием прекрасного пола со своими песнями, бард доморощенный! Некоторое время они еще посидели за столом. Но желание окончательно «умыть» компанию Влада так и скребло.

– Леди и джентльмены! Предлагаю торжественно открыть наш приватный видеосалон! Вашему вниманию предлагается супербоевик Голливуда, который в нашей отсталой провинции пока в широкий видеопрокат не вышел! – пафосно объявил Влад, размахивая дистанционным пультом от видеосистемы. – Только для дорогих гостей и, в первую очередь, – прекрасных дам! На лучшей японской аппаратуре! Плиз, господа!..

Замерцал экран, гнусавый закадровый голос переводчика заполнил комнату. Влад снисходительно поглядывал на гостей, ожидая восторженных оценок импортной техники, но крутая фантастика полностью захватила их внимание. Влада это неприятно покорило. Хотелось восторга в свой адрес, а они в экран уставились, бараны! Раздражение опять засочилось, как течь в дырявой лодке. Влад критически ткнул пультом в сторону телевизора:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.